ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРОТОІЕРЕЯ С. С. МОДЕСТОВА [1].

ПРОХОЖДЕНІЕ АКАДЕМИЧЕСКАГО КУРСА.

(1852—1856 гг.)

Въ 1852 году мы кончили семинарскій курсъ [2]). На выпускномъ экзаменѣ депутатомъ отъ Академіи былъ у насъ профессоръ протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, замѣчательный знатокъ святоотеческой литературы, главный тогда академическій дѣятель по изданію «Твореній святыхъ отецъ». На экзаменахъ у насъ онъ не столько насъ слушалъ, сколько говорилъ самъ, и мы съ жадностью слушали его глубокомысленныя объясненія самыхъ трудныхъ богословскихъ вопросовъ и ясныя толкованія недоумѣнныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія. Многое изъ этой области мы впервые услышали отъ высокоученаго богослова, чего не могъ намъ сообщить нашъ о. ректоръ Леонидъ [3]), преподававшій богословіе и не особенно далекій въ знаніи этого предмета. При весьма благодушномъ отношеніи къ намъ добрѣйшаго экзаминатора о. протоіерея Петра Спиридоновича, прикрывавшаго наши не очень удовлетворительныя богословскія познанія своими бесѣдами на экзаменахъ, они у насъ прошли благополучно. Потомъ и на такъ называвшемся тогда публичномъ экзаменѣ въ присутствіи митрополита Филарета, академическихъ и лаврскихъ гостей, благодаря расположенію святителя къ о. ректору Леониду, все обошлось безъ всякихъ замѣчаній святителя, обыкновенно весьма строгаго цѣнителя знаній. Мнѣ, какъ я помню, на этомъ экзаменѣ, по бывшему у насъ учебнику Антонія, пришлось отвѣчать о протестантскихъ ученіяхъ объ

---

[1]) Магистръ 20-го курса, митрофорный протоіерей московской Ермолаевской, на Садовой, церкви и членъ Моск.дух. консисторіи Сергѣй Сергѣевичъ Модестовъ въ ноябрѣ минувшаго 1913 г. съ полною готовностію предоставилъ настоящую часть своихъ автобіографическихъ записокъ для напечатанія въ юбилейномъ сборникѣ. Господь не привелъ уважаемаго о. протоіерея увидѣть свои записки въ печати и дожить до предстоящаго юбилея родной Академіи; онъ скончался 11 февраля текущаго года.

[2]) Въ Виѳанской семинаріи.

[3]) Леонидъ Краснопѣвковъ, магистръ тринадцатаго курса Московской Академіи (1838—1842 гг.); былъ ректоромъ Виѳанской (1849—1853 гг.) и Московской (1853—1859 гг.) семинарій, епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московскимъ (1859—1876 гг.); скончался архіепископомъ Ярославскимъ въ 1876 г.

евхаристіи. Я отвѣчалъ весьма твердо о разныхъ изворотливыхъ до тонкости мнѣніяхъ протестантскихъ богослововъ по этому превыспреннему догмату. Митрополитъ, не все дослушавъ, только сказалъ: «Довольно». Послѣ всѣхъ экзаменовъ, при составленіи выпускныхъ списковъ, я былъ поставленъ на третьемъ мѣстѣ: первымъ Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ, вторымъ Илья Ѳедоровичъ Касицынъ, и мы всѣ трое были назначены къ поступленію въ Академію. Подробнѣе о нихъ будетъ сказано ниже.

Пріятно было, какъ всегда и прежде, отправляться домой на каникулы на отдыхъ послѣ трудовъ учебныхъ, но для насъ, назначенныхъ въ Академію, предстоялъ еще вступительный экзаменъ въ Академію, и во время отдыха пришлось и объ этомъ подумать, хотя можно было быть увѣреннымъ, что примутъ, такъ какъ не было примѣра, чтобы изъ нашихъ семинарій кого-либо не допустили—были бы только удачны сочиненія (экспромпты), а на устные отвѣты тогда не обращалось вниманія. Потому я, по крайней мѣрѣ, спокойно отдыхалъ, изрѣдка только заглядывалъ въ семинарскіе учебники.

Къ половинѣ августа мы должны были явиться въ Академію. Собравшись въ семинаріи, мы на казенной лошади 15-го августа утромъ были привезены въ лавру съ врученнымъ намъ свидѣтельствомъ отъ начальства и тотчасъ представились инспектору о. архим. Сергію, бывшему потомъ митрополитомъ Московскимъ. Это былъ молодой, тогда красивый, стройный, выше средняго роста, архимандритъ, весьма любезно насъ принявшій въ своей гостиной; назначилъ намъ номеръ въ корпусѣ, предназначенномъ для помѣщенія студентовъ младшаго курса. Здѣсь, встрѣтившись съ собравшимися уже семинаристами изъ разныхъ иногородныхъ семинарій, мы скоро оріентировались и вступили въ дружественныя бесѣды. Съ нами вмѣстѣ, въ составъ 20 академическаго курса прибыло изъ 18 семинарій около 45 человѣкъ; для каждаго изъ насъ бесѣды съ прибывшими были весьма интересны, такъ какъ вносили въ наше сознаніе много новаго о мѣстныхъ обычаяхъ и порядкахъ семинарскихъ и общественныхъ, особенно по отношенію къ мѣстному духовенству и церковнымъ порядкамъ. На первое время во взаимныхъ отношеніяхъ собравшихся изъ разныхъ мѣстъ семинаристовъ естественно обнаруживалась сдержанность, сохранялось землячество; приходилось притомъ задумываться о предстоявшихъ экзаменахъ; немногіе могли быть увѣрены, что все сойдетъ благополучно и ихъ примутъ. ...Опасенія оказались напрасными; только одного изъ явившихся на экзаменъ не приняли и то, кажется, по обнаруженіи имъ во время экзаменовъ стремленія къ несоотвѣтствующимъ для духовныхъ юношей развлеченіямъ и веселости, а также и за вольность на

словахъ при тогдашнемъ у насъ строгомъ монашескомъ режимѣ, цѣнившемъ не столько умъ, сколько поведеніе и особенно послушаніе. Порядокъ экзаменовъ былъ слѣдующій: прежде всего мы писали 2 экспромпта: по Свящ. Писанію и по философіи. Послѣдній экспромптъ на латинскомъ языкѣ задавалъ профессоръ Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій на тему: «справедливо ли мнѣніе древнихъ, что есть душа міра». Темы по Свящ. Писанію не помню. Послѣ письменныхъ экзаменовъ происходили устные. Два дня, подъ предсѣдательствомъ ректора, въ составѣ главныхъ академическихъ профессоровъ, производилось испытаніе по 4 главнымъ предметамъ богословскимъ; затѣмъ по второстепеннымъ предметамъ экзаменовали каждый изъ профессоровъ по своему предмету, поодиночкѣ, одновременно и весьма снисходительно. Результатъ экзаменовъ намъ объявленъ былъ числа 4—5 сентября. Первымъ принятъ Свѣтовидовъ изъ Москвы, вторымъ Амфіанъ Лебедевъ изъ Виѳаніи; я былъ принятъ восьмымъ.

Такъ мы изъ семинаристовъ сдѣлались студентами Академіи, и послѣ благодарственнаго молебна въ трапезной монастырской церкви водворились каждый въ назначенномъ отъ инспектора номерѣ, при чемъ на каждый номеръ изъ старшаго курса для наблюденія за порядкомъ назначенъ былъ старшій. Меня назначили въ 8 номеръ, и у насъ старшимъ былъ Семенъ Сергѣевичъ Владимірскій [1]). Скоро насъ облекли въ однообразную одежду, заранѣе уже приготовленную: для комнатнаго ношенія — изъ сѣраго бумажнаго трико пальто съ брюками; для класснаго—черный суконный сюртукъ, и, наконецъ,—шинель изъ синяго сукна, съ подкладкой только по поясъ, а для того, чтобы имѣть шинель всю на шерстяной подкладкѣ, нужно было особо платить портному. При облаченіи насъ казенною одеждою нисколько не обращалось вниманія на то, чтобы фасонъ ея соотвѣтствовалъ росту и комплекціи студентовъ. Помню, мнѣ досталось пальто очень широкое, такъ что при моей миніатюрности эта ширина обратила вниманіе посѣтившаго нашъ номеръ о. ректора Алексія [2]), и онъ только любезно усмѣхнулся, когда я ему сказалъ: «Это ничего,—просторнѣе». Вообще всѣ мы были благодушны и довольны своимъ новымъ положеніемъ, особенно иногородніе, которымъ приходилось, за недостаткомъ при семинаріяхъ общежитій, жить на свой счетъ на отдаленныхъ отъ семинарій квартирахъ. Особенно всѣмъ намъ, кромѣ, кажется, москви-

[1]) Окончилъ магистромъ богословія и впослѣдствіи скончался въ Москвѣ благочиннымъ - протоіереемъ.

[2]) Ржаницынъ, магистръ Моск. Дух. Академіи одиннадцатаго курса (1834—1838 г.), по окончаніи академическаго курса—инспекторъ Московской семинаріи (—1843) и ея ректоръ (—1847), потомъ ректоръ Московской Академіи (—1853), епископъ Дмитровскій (—1857), Тульскій (—1860), Таврическій (—1867), архіепископъ Рязанскій (—1876), Тверской; скончался въ 1877 г. О семинарской и академической его службѣ см. у Г. П. Смирнова - Платонова, «Vitae curriculum», 26, 31 и сл.

чей, понравился академическій столъ противъ семинарскаго. У насъ въ Виѳанской семинаріи, напримѣръ, посуда была оловянная, салфетокъ не полагалось, даже ложки у каждаго были свои; въ академической столовой мы увидали столъ убранный, посуду фаянсовую, графины съ квасомъ, ложки металлическія, салфетки. Вмѣсто семинарской похлебки, гороха и каши намъ подавали супъ съ мясомъ или рыбой, котлеты мясныя, картофельныя, манныя и прочее поварского приготовленія. Хотя въ семинарскихъ общежитіяхъ столъ вообще былъ весьма не удовлетворителенъ вслѣдствіе крайне скудныхъ средствъ, ассигновавшихся въ наше время на этотъ предметъ изъ взносовъ платы отъ учениковъ (напримѣръ, въ Виѳанской семинаріи мы съ братомъ платили въ общежитіи только 20 рублей въ годъ), однако общихъ волненій изъ-за этого никогда въ наше время не было, и мы, запасаясь послѣ ужина въ столовой чернымъ хлѣбомъ, утромъ на завтракѣ со сладостію вкушали его съ солью и запивали водою. Точно такъ же въ Академіи хотя иногда, особенно со стороны старшихъ студентовъ, и заявлялось недовольство приготовляемою пищею, особенно разными киселями и картофельными котлетами (большею частію желательна была пища болѣе твердая и питательная), но такъ какъ начальство не только удовлетворяло желаніе студентовъ, но въ наше время даже любезно предлагало самимъ студентамъ составлять меню кушаній, изъ которыхъ мы обыкновенно любили кушать кашу, особенно поджаренную, и постомъ протертый горохъ, то всегда по этой статьѣ водворялось довольство. Не очень строго въ наше время соблюдался и постъ,—многіе открыто употребляли молоко, а обладавшіе достаточными средствами ходили въ гостиницу и заказывали себѣ мясную пищу. Начальство не могло принять никакихъ мѣръ противъ этого, хотя однажды бывшій нашъ инспекторъ сзывалъ къ себѣ комнатныхъ старшихъ и старался дознать, кто употребляетъ молоко; это дознаніе ему желалось произвести, очевидно, только въ виду того, что много молока открыто носили изъ посада въ Академію, чего начальству не было желательно, такъ какъ это могло быть соблазнительно для монастырскихъ богомольцевъ.

Дисциплина у насъ была весьма строгая. Въ занятые часы всѣ должны оставаться въ своихъ комнатахъ на назначенныхъ мѣстахъ, не мѣшать заниматься другимъ разговорами, хожденіемъ по комнатѣ, особенно не курить. Занятые часы назначались отъ 5 до 8, когда звонкомъ приглашали къ ужину; послѣ ужина до 9 часовъ могли выходить въ садъ, даже изъ монастыря; съ 9 час. до 10 опять занятія; въ 10 часовъ читалась вечерняя молитва, на которую нерѣдко являлся инспекторъ или его помощникъ. Строго преслѣдовали тѣхъ, которые, прогуливаясь за монастыремъ, запаздывали

и не могли проникнуть въ монастырь, потому что въ 10 часовъ монастырскія ворота обыкновенно запирались и ключи относились къ намѣстнику.

Чтенія лекцій продолжались утромъ отъ 8 до 12 часовъ съ одною перемѣною; въ 12 час. обѣдъ, до 2—отдыхъ; потомъ опять лекціи по второстепеннымъ предметамъ, къ которымъ относились языки: латинскій, греческій, еврейскій, нѣмецкій и французскій. На лекціи ходить было обязательно по всѣмъ предметамъ, и за этимъ инспекція строго слѣдила; инспекторъ ходилъ по комнатамъ; спальни запирались, а тѣ, которые просыпали первую лекцію или опаздывали, оставались безъ чаю, потому что въ кубъ вливалась холодная вода и чайная комната запиралась. На послѣобѣденныя лекціи, впрочемъ, особенно не обращалось вниманія.

Предъ праздниками всенощныя совершались въ актовомъ залѣ; церкви своей тогда еще не было; служили обыкновенно свои студенты, облеченные въ санъ священника и дьякона; свой хоръ пѣвчихъ изъ студентовъ былъ очень хорошій. Къ обѣднѣ ходили всегда въ трапезную церковь; предварительно сбирались въ актовомъ залѣ и отправлялись послѣ молитвы «Царю небесный», въ сопровожденіи инспектора или его помощника, рядами, по два. На первой недѣлѣ остававшіеся въ Академіи студенты обязательно говѣли.

Въ мое время на младшемъ курсѣ, въ которомъ было сосредоточено преподаваніе всѣхъ общеобразовательныхъ(свѣтскихъ) предметовъ, лекціи читали слѣдующіе профессоры и баккалавры:

Старѣйшій и почетнѣйшій профессоръ протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій читалъ философію въ строго православномъ духѣ, не увлекаясь умствованіями иностранныхъ философовъ, но всегда провѣрялъ философскій выводъ ихъ мнѣніями Св. Писанія и святыхъ отцовъ. Весьма ясно и съ увлеченіемъ излагалъ онъ также мнѣнія древнихъ философовъ китайскихъ, индѣйскихъ и особенно греческихъ: Сократа, Платона, Аристотеля и другихъ, при чемъ онъ видѣлъ въ ихъ ученіи путь приготовленія рода человѣческаго къ принятію христіанства. Вообще много мы слышали отъ этого кроткаго и благоговѣйнаго старца весьма зрѣлыхъ сужденій о Богѣ въ Его промыслительномъ отношеніи къ міру и роду человѣческому, о душѣ нашей, о конечныхъ причинахъ нашего существованія на землѣ. Справедливо его лекціи назывались умственнымъ богословіемъ. Магистръ перваго курса Академіи, поступившій въ нее изъ Костромской семинаріи, выпуска 1818 года, въ теченіе всей своей 36-лѣтней службы въ Академіи сіялъ славою ученѣйшаго мужа и всегда былъ незабвеннымъ отъ своихъ многочисленныхъ слушателей, достигавшихъ высшихъ іерархическихъ степеней въ

церкви православной. Чтенія его на нашемъ 20 курсѣ были его лебединою пѣснью. По окончаніи нашего курса онъ вышелъ въ отставку и скончался въ августѣ 1854 года на своей родинѣ въ Костромѣ. Преемникомъ ему по каѳедрѣ былъ назначенъ молодой баккалавръ, магистръ выпуска 1852 года, Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ, обратившій на себя вниманіе еще въ теченіе студенчества своими выдающимися способностями и потомъ на философской каѳедрѣ, въ продолженіе около 40 лѣтъ, своими лекціями вполнѣ заслуживший имя ученѣйшаго профессора. По окончаніи курса В. Д. Кудрявцевъ читалъ библейскую исторію для старшихъ студентовъ, а когда мы перешли на старшій курсъ, онъ былъ переведенъ на младшій и читалъ философію вмѣсто Ѳеодора Александровича Голубинскаго, такъ что намъ, къ сожалѣнію, не пришлось его слушать. Въ какой степени не только въ Академіи, но даже въ высшихъ сферахъ, цѣнилась ученость Виктора Дмитріевича, можно судить потому, что онъ былъ избранъ въ число воспитателей Наслѣдника престола Николая Александровича. Чтители памяти достопочтеннѣйшаго профессора учредили стипендію его имени, а его сочиненія изданы въ пользу недостаточныхъ студентовъ и продолжаютъ доселѣ служить для нихъ самою питательною пищею къ умственному ихъ развитію по изученію философіи.

Послѣ Виктора Дмитріевича дѣтей не осталось; супруга его Капитолина Васильевна скончалась въ томъ же 1891 году, за нѣсколько мѣсяцевъ раньше его, а онъ 3-го декабря того же года. Значительный капиталъ, скопленный имъ отъ своихъ ученыхъ трудовъ, при благоразумной постановкѣ экономической части домовитой и опытной въ хозяйствѣ его супруги, къ сожалѣнію, по вліянію на него извѣстнаго профессора Академіи Н. И. Субботина, желавшаго всячески угодить синодскому премьеру К. П. Побѣдоносцеву, весь почти поступилъ въ его распоряженіе и погруженъ имъ въ бездонную бездну синодальныхъ финансовъ, никѣмъ и никогда не провѣряемыхъ. Между тѣмъ Московской Духовной Академіи, гдѣ покойный профессоръ истощилъ всю энергію своей молодости и до шестидесятилѣтняго почти возраста въ трудахъ по образованію духовнаго юношества, немного досталось. Впрочемъ, несмотря на это несправедливое и обидное для нашей Академіи, устроенное г. Субботинымъ (ум. 30-го мая 1905 г.), отчужденіе капитала покойнаго Виктора Дмитріевича въ чужія и безызвѣстныя руки, благодарная память о немъ въ Академіи всегда сохранялась и доселѣ сохраняется въ сердцахъ слушателей его лекцій, не менѣе того, какъ и бывшаго его предшественника по каѳедрѣ о. прот. Ѳ. А. Голубинскаго. Скажу и о семейномъ положеніи Ѳеодора Александровича и его потомствѣ. Когда мы поступили въ Академію, Ѳеодоръ Але-

ксандровичъ былъ уже вдовый. Супруга его не очень давно предъ этимъ скончалась, такъ что наши старшіе студенты помнятъ эту добрѣйшую старицу, необычайно радушно во всякое время принимавшую студентовъ, приходившихъ къ Ѳеодору Александровичу за книгами, нужными для сочиненій, и за совѣтами, въ которыхъ онъ никому не отказывалъ. Прямое поколѣніе Ѳеодора Александровича состояло изъ дочери и 2 сыновей. Дочь его состояла въ супружествѣ за московскимъ протоіереемъ Георгіевской-на-Вспольѣ церкви Дм. Васильевичемъ Разумовскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ древнихъ нотныхъ церковныхъ пѣснопѣній и бывшимъ по этому предмету профессоромъ консерваторіи. Два сына Ѳеодора Александровича были Сергѣй, умершій еще студентомъ Академіи, и Дмитрій Ѳеодоровичъ, магистръ нашей Академіи выпуска 1854 года, оставленъ былъ въ Академіи по классу физики и математики, умеръ въ 1903 году въ ноябрѣ. Онъ былъ любимецъ всей академической корпораціи и студентовъ за свою кротость и безкорыстіе, человѣкъ глубоко, искренне религіозный. По степенному виду, по интонаціи голоса и рѣчи, не спѣшной и глубоко обдуманной, онъ вполнѣ походилъ на своего знаменитаго родителя. Жилъ и умеръ холостымъ въ маленькой квартирѣ близъ Ильинской церкви.

Другой старѣйшій профессоръ Академіи протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, 1-й магистръ новооткрытой въ 1814 году нашей Академіи, поступившій изъ славяно-греко-латинской академіи, товарищъ Ѳеодора Александровича Голубинскаго. Оба эти ветераны Академіи признавались и дѣйствительно были твердыми ея столпами, мудрыми указателями ея научныхъ задачъ, руководителями младшихъ дѣятелей въ выполненіи этихъ задачъ. Къ голосу сихъ умудренныхъ опытностью совѣтниковъ по дѣламъ и рѣшеніямъ недоумѣнныхъ вопросовъ прислушивались всегда начальствующія лица Академіи, и самъ свят. Филаретъ нерѣдко спрашивалъ ихъ мнѣнія по вопросамъ научнымъ и административнымъ, открыто высказывалъ имъ особенное свое уваженіе. Оба эти беззавѣтные труженики высшаго духовнаго образованія юношества представляли собою въ настоящее время уже почти вымершій типъ служителей Церкви Христовой, не искавшихъ возвышеній и наградъ по службѣ, но мирно и безкорыстно трудившихся, оставаясь на своемъ мѣстѣ по нѣскольку десятковъ лѣтъ, даже до смерти. Несмотря на свою близость къ высшему духовному начальству и особенное расположеніе святителя Филарета, оба эти знаменитые профессора не имѣли наградъ первой степени и едва ли этого желали и домогались, хотя этого вполнѣ заслуживали, зная притомъ, что Филаретъ, котораго они глубоко чтили и земно и нелицемѣрно ему кланялись, вообще не любилъ баловать похвалами никого изъ

своихъ подчиненныхъ, чтобы не возбуждать въ нихъ суетныхъ стремленій къ земнымъ отличіямъ, а требовалъ отъ всѣхъ при исполненіи своего долга смиренія, терпѣнія и послушанія. Ѳеодоръ Александровичъ, какъ истый философъ, погруженный въ свою превыспреннюю науку, былъ мало опытенъ въ дѣлахъ житейскихъ и порядкахъ административныхъ. Петръ Спиридоновичъ, какъ практикъ, принималъ многостороннее участіе въ рѣшеніи академическихъ дѣлъ, и его мнѣнія весьма уважались всею академическою корпораціею. На немъ, главнымъ образомъ, лежало дѣло изданія твореній св. Отецъ: представляемые ему другими профессорами и баккалаврами переводы сихъ твореній онъ капитальнымъ образомъ исправлялъ, какъ большой знатокъ греческаго языка въ примѣненіи его къ языку и смыслу Священнаго Писанія. Предъ предстоявшимъ 1-го октября 1864 года пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ всѣ съ трепетомъ и молитвою ждали, что Петръ Спиридоновичъ, сдѣлавшійся тяжко больнымъ, украситъ этотъ юбилей своимъ присутствіемъ, но, къ прискорбію, онъ не дожилъ до него только нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ семействѣ Петра Спиридоновича было три сына: 1) Петръ Петровичъ, преподаватель Виѳанской семинаріи, до конца своей жизни не оставившій послѣ себя потомства; 2) Дмитрій Петровичъ, магистръ нашей Академіи выпуска 1854 года; умеръ священникомъ Моск. Воскресенской въ Барашахъ церкви; 3) Василій Петровичъ, младшій сынъ Петра Спиридоновича, студентъ Виѳанской семинаріи, по окончаніи курса вмѣстѣ со мной въ 1852 году поступилъ въ діаконы къ Московской Успенской въ Кожевникахъ церкви, гдѣ и скончался. Всѣ означенныя дѣти Петра Спиридоновича по своимъ душевнымъ качествамъ были прямымъ воплощеніемъ своего родителя, отличались необыкновенною простотою и благодушіемъ въ обращеніи, безобидною остротою ума въ разговорахъ и по внѣшнему виду походили на отца по своей тучности и отсутствію всякой галантности въ одеждѣ и свѣтскости въ пріемахъ; зато во всѣхъ, имѣвшихъ къ нимъ какое-либо отношеніе, и особенно въ товарищахъ, они возбуждали любовь и довѣріе. Помню, когда при мнѣ въ Виѳанской семинаріи учились послѣдніе два сына Петра Спиридоновича, Дмитрій и Василій, они, отправляясь на праздничные дни въ родительскій домъ, приглашали съ собою и нѣкоторыхъ товарищей, гдѣ всѣмъ имъ было оказываемо радушное гостепріимство. Мнѣ, впрочемъ, не приходилось бывать въ ихъ домѣ, а мой братъ бывалъ.

Преподаватели философскихъ предметовъ—психологіи и логики, были въ наше время Дмитрій Григорьевичъ Левитскій, магистръ выпуска 1842 года,—устно излагалъ психологію по тогдашней модной системѣ Генике. Онъ долго былъ

холостякъ и только въ наше время, приблизительно въ 1854 году, вступилъ въ бракъ съ дочерью извѣстнаго въ Москвѣ протоіерея Мартына Леонтьевича Ловцова, Анною Мартыновною, и сдѣлался своякомъ Сергѣя Константиновича Смирнова и московскаго протоіерея Ипполита Михайловича Богословскаго. Скоро онъ принялъ священный санъ, вѣроятно, съ цѣлью болѣе удобнаго перехода въ Москву для поправленія своихъ финансовъ, въ то время совершенно недостаточныхъ для женатаго человѣка по ничтожной ассигновкѣ казеннаго жалованья; но этого онъ не успѣлъ сдѣлать. Къ концу окончанія нашего курса онъ заболѣлъ и умеръ въ университетскихъ клиникахъ [1]), на его мѣсто преподавателемъ психологіи назначенъ нашъ товарищъ Н. Н. Свѣтовидовъ. Жена же о. Левитскаго опредѣлена была начальницею Филаретовскаго женскаго епархіальнаго училища, въ каковой должности она оставалась долгое время.

Логику въ наше время преподавалъ Василій Ивановичъ Лебедевъ, магистръ Академіи выпуска 1850 года, по системѣ англійскаго писателя Бекона, довольно непонятно; женился и скоро перешелъ на священническое мѣсто въ Москву къ Косма-Демьяновской церкви въ Садовникахъ близъ Комиссаріата; былъ въ числѣ первыхъ редакторовъ и сотрудниковъ по журналу «Душеполезное Чтеніе»; заболѣлъ чахоткой; хотя ѣздилъ на кумысъ въ Самару, но не поправился и скончался при означенной церкви [2]). По философіи, помню, я писалъ семестровое сочиненіе о нравственномъ ученіи Сократа, по назначенію профессора Левитскаго. Однимъ изъ почетнѣйшихъ на нашемъ младшемъ курсѣ профессоровъ былъ Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ изъ Петербургской Академіи. Онъ читалъ теорію словесности (эстетику) и исторію литературы древней, средневѣковой и русской. Этотъ предметъ для насъ, семинаристовъ, былъ совершенно новый, и потому Амфитеатрова всѣ студенты, и прежде и въ наше время, слушали съ жадностью, тѣмъ болѣе, что этотъ профессоръ обладалъ замѣчательною дикціею и читалъ съ апломбомъ, не спѣшно, внушительно, съ разстановками. Самыя лекціи его, при мастерскомъ изложеніи, были точны и немногословны, а по содержанію въ умахъ нашихъ возбуждали живѣйшій интересъ. Мы впервые ознакомились теперь съ такими всемірно прославленными твореніями древнихъ писателей, каковы «Иліада и Одиссея», и среднихъ—«Адъ» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, и русскихъ—Ломоносова, Державина, Пушкина, Жуковскаго и Гоголя, знаменитое твореніе котораго «Мертвыя души» только что вышло въ 1852 году, предъ

---

[1]) Въ 1856 году.
[2]) Въ 1863 году.

нашимъ вступленіемъ въ Академію. Изъ этого сочиненія многія выдержки и типичныя выраженія нѣкоторые изъ нашихъ студентовъ знали наизусть. Помню, нашъ товарищъ изъ Тверской семинаріи Владиміръ Николаевичъ Ретивцевъ, впослѣдствіи монахъ и епископъ Хрисанѳъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ, особенно любилъ декламировать эти выдержки. О Гоголѣ даже на классѣ Священнаго Писанія читалъ лекціи извѣстный о. архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, причислявшій Гоголя чуть не къ пророкамъ-обличителямъ, въ родѣ Іереміи, плакавшемъ о порокахъ людскихъ. О. архимандритъ Ѳеодоръ былъ личный другъ Гоголя, который пріѣзжалъ къ нему и посѣтилъ академическое общежитіе незадолго до нашего поступленія въ Академію. По литературѣ, преподаваемой Егоромъ Васильевичемъ, мы на младшемъ курсѣ писали два сочиненія. Помню одно: «Какъ объяснить скупость, страсть, повидимому, безсмысленную» («Скупой рыцарь», Плюшкинъ). Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ былъ секретаремъ академическаго правленія, имѣлъ въ посадѣ свой небольшой каменный домъ, долго оставался холостякомъ, ходилъ въ парикѣ и казался моложавымъ и только въ наше время женился на молодой и красивой священнической дочери Любови Васильевнѣ, былъ своякомъ извѣстнаго московскаго протоіерея Ефима Михайловича Алексинскаго [1]), а также Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Въ посадѣ пользовался большимъ уваженіемъ среди купеческаго и мѣщанскаго сословій, былъ избранъ городскимъ головою и долго держался на этомъ мѣстѣ, доставлявшемъ ему порядочное дополненіе къ средствамъ содержанія семейства, значительно умножившагося по женитьбѣ его.

Исторію всеобщую, гражданскую и русскую читали наши профессора Петръ Симоновичъ Казанскій и Сергѣй Константиновичъ Смирновъ, впослѣдствіи бывшій ректоромъ Академіи. Оба они читали прагматически, т.-е. въ видѣ подробнаго послѣдовательнаго разсказа историческихъ событій, безъ критической ихъ оцѣнки; но Сергѣй Константиновичъ весьма интересно и умѣло иллюстрировалъ свое чтеніе выдержками изъ лѣтописей и современныхъ писаній, въ которыхъ ясно отражался тогдашній бытъ, взгляды и степень образованія нашихъ предковъ. По историческимъ предметамъ, помню, мнѣ пришлось писать семестровыя сочиненія профессору Казанскому: «О вліяніи магометанства на гражданскую и семейную жизнь мусульманъ», а Смирнову изъ смутнаго времени: «О Заруцкомъ и Маринѣ».

---

[1]) Магистръ одиннадцатаго курса Московской Дух. Академіи (1834—1838 гг.); профессоръ Московской семинаріи (1839—1868 гг.); скончался протоіереемъ Воскресенской въ Таганкѣ церкви.

Физику преподавалъ намъ молодой баккалавръ Николай Александровичъ Сергіевскій, уроженецъ Коломны, родственникъ м. Филарету, окончившій курсъ магистромъ въ Петербургской Академіи. Преподаваніе его было очень интересно по дикціи и умѣнью наглядно излагать, хотя далеко не полно, при скудныхъ пособіяхъ физическаго кабинета. Явленія электрическія и магнетическія профессоръ Сергіевскій объяснялъ даже на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи Филарета, слушавшаго съ замѣтнымъ съ его стороны вниманіемъ и любопытствомъ. Сергіевскій скоро вышелъ въ Москву, былъ законоучителемъ университета и протопресвитеромъ Успенскаго собора, умеръ 29-го іюня 1892 года. На старшемъ курсѣ преподавалъ намъ догматическое богословіе ректоръ Евгеній [1]), переведенный изъ Московской семинаріи; нравственное богословіе — инспекторъ арх. Сергій. Чтеніе ихъ по неизмѣнной программѣ, назначенной для этихъ предметовъ, ничѣмъ насъ не заинтересовывало, особенно по предмету догматики, по которому только что вышло обширное знаменитое сочиненіе преосв. Макарія, оставшееся и до сихъ поръ учебникомъ для семинарій и академій.

Церковную исторію читалъ намъ профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій, магистръ нашей Академіи, выпуска 1832 года, знаменитый ученый изслѣдователь свято-отеческихъ твореній и древнихъ рукописей, хранящихся въ Московской Синодальной библіотекѣ. Описаніе этой библіотеки, при сотрудничествѣ профессора Капитона Ивановича Невоструева, представляетъ капитальный трудъ, свидѣтельствующій объ ученой многосторонней эрудиціи этихъ профессоровъ, всю свою жизнь самоотверженно посвятившихъ себя на извлеченіе изъ архивной пыли древнихъ памятниковъ книжной мудрости эллинской и славянской. Кромѣ оживленнаго, сорокъ два года продолжавшагося чтенія своихъ академическихъ лекцій, изданныхъ теперь отдѣльною книгою, Александръ Васильевичъ написалъ и напечаталъ въ академическомъ журналѣ множество статей по церковной исторіи. По порученному нашей Академіи Святѣйшимъ Синодомъ переводу Новаго Завѣта Александръ Васильевичъ былъ главнымъ сотрудникомъ святителя Филарета, принимавшаго въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Наконецъ, въ теченіе почти всей своей службы, состоя библіотекаремъ знаменитой академической библіотеки, онъ безраздѣльно посвящалъ свое время этой службѣ и такъ изучилъ хранящіяся въ ней книги, что безъ правильнаго и полнаго каталога могъ сразу указать и выдать профессорамъ и студентамъ нужныя имъ книги. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ заслуживалъ благодарную

[1]) Сахаровъ-Платоновъ, впослѣдствіи епископъ Симбирскій; скончался на покоѣ.

память за свой безкорыстный трудъ въ сыромъ холодномъ библіотечномъ помѣщеніи. Будучи самоотверженнымъ подвижникомъ науки, Александръ Васильевичъ былъ въ собственномъ смыслѣ инокомъ, хотя въ свѣтскомъ одѣяніи,—холостой, питался монашескою пищею, не зналъ никакихъ мірскихъ развлеченій, кромѣ куренія табака, вѣроятно, признаваемаго имъ необходимымъ при ученыхъ занятіяхъ для возбужденія вниманія къ нимъ и бодрости. Былъ приснымъ, можно сказать, другомъ святителя Филарета, который почти никого къ себѣ не приближалъ такъ, какъ его, и еще развѣ своего духовника, намѣстника лавры арх. Антонія, о которомъ въ одномъ своемъ письмѣ къ нему писалъ: «Тя рекохъ, не только друга, но и отца», конечно, духовнаго. При своей близости къ Филарету Александръ Васильевичъ, если бы принялъ монашество, давно бы получилъ и санъ епископа, но онъ этого рѣшительно не желалъ, единственно потому, чтобы не разстаться съ возлюбленной имъ Академіей; но въ то же время онъ высказывалъ свое преискреннее желаніе получить санъ священства, чтобы служить предъ престоломъ Божіимъ, оставаясь неженатымъ. Чтобы удовлетворить этому благочестивому желанію, Филаретъ безъ всякаго сношенія съ Синодомъ, гдѣ могли затормозить дѣло это, рѣшился, на основаніи бывшихъ примѣровъ въ древней православной Церкви, посвятить въ священный санъ Александра Васильевича, бывшаго холостымъ. Впрочемъ, послѣ этого по запросу Синода, говорятъ, пришлось ему давать объясненіе, по которому, однако, этотъ фактъ посвященія былъ признанъ каноническимъ. Вскорѣ послѣ выбытія бывшаго ректоромъ арх. Саввы владыка избралъ Александра Васильевича ректоромъ Академіи, въ каковой должности онъ и оставался до своей смерти, послѣдовавшей 11-го октября 1875 года отъ болѣзни сердца, и погребенъ въ лаврѣ на академическомъ кладбищѣ.

По предмету Священнаго Писанія читали намъ: арх. Ѳеодоръ Бухаревъ—Ветхій Завѣтъ и Новый Завѣтъ—арх. Михаилъ Лузинъ изъ только что кончившихъ академическій курсъ въ нашей Академіи. Все чтеніе Михаила состояло изъ опроверженій отрицательной критики Евангелія и въ частности появившагося сочиненія Ренана «Жизнь Іисуса Христа», надѣлавшаго большой шумъ за границей и у насъ по увлекательности своего изложенія. Арх. Михаилъ былъ инспекторомъ Академіи, переведенъ потомъ ректоромъ Кіевской Академіи и, наконецъ, былъ епископомъ Курскимъ, гдѣ и скончался 20 марта 1888 года.

Архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, по своему мистическому взгляду, при чтеніи Ветхаго Завѣта обыкновенно приводилъ туманное объясненіе священныхъ ветхозавѣтныхъ событій и обрядовъ въ примѣненіи къ Новому Завѣту; особенно

долго останавливался на сближеніи 3 книги Эздры съ Апокалипсисомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ намъ разъяснять свою любимую идею о внутреннемъ проникновеніи души человѣческой истиною Христовою при всѣхъ случаяхъ нашей земной современной жизни. Извѣстно его на эту тему сочиненіе: «Объ отношеніи православія къ современности». Въ послѣдніе годы служенія въ нашей Академіи о. Ѳеодоръ сильно былъ озабоченъ изданіемъ своего толкованія на Апокалипсисъ, неотступно просилъ о. ректора Евгенія представить этотъ свой трудъ святителю Филарету, хотя ректоръ и не совѣтовалъ этого. Когда же Филаретъ прочиталъ это толкованіе, то, возвращая оное, сказалъ только: «Въ умѣ ли онъ», и, чтобы лично ознакомиться съ Ѳеодоромъ, въ ближайшій экзаменъ явился къ нему, былъ весьма недоволенъ имъ и постарался удалить изъ нашей Академіи въ Казанскую. Извѣстна дальнѣйшая судьба этого, по виду тщедушнаго, но до упорности энергичнаго архимандрита. Изъ Казанской Академіи онъ переведенъ въ цензурный комитетъ, оттуда удаленъ въ число братства Переяславскаго монастыря, наконецъ, разстригся съ цѣлью большаго удобства распространять свои идеи въ средѣ мірянъ, женился, жилъ въ Твери въ крайней бѣдности у соборнаго дьякона, своего родственника, гдѣ и скончался [1]).

Изъ молодыхъ баккалавровъ, только что поступившихъ изъ предшествовавшаго намъ курса, преподавали Александръ Ѳеодоровичъ Лавровъ-Платоновъ, выпуска 1854 года, и Петръ Алексѣевичъ Смирновъ—того же выпуска. Лавровъ—каноническое право; Смирновъ—церковную археологію. Оба въ своихъ чтеніяхъ не могли заинтересовать своихъ слушателей изложеніемъ своихъ наукъ по источникамъ иностраннымъ и, главнымъ образомъ, по неподготовленности къ изученію преподаваемыхъ ими наукъ. Впрочемъ, впослѣдствіи А. Ѳ. Лавровъ вполнѣ овладѣлъ своимъ предметомъ, былъ вызываемъ въ Синодъ для обсужденія каноническихъ вопросовъ; Петръ же Алексѣевичъ скоро вышелъ въ священники въ Москву, долго былъ законоучителемъ 2-й классич. гимназіи, сдѣлался извѣстенъ К. П. Побѣдоносцеву по своему реферату въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія о церковно-приходскихъ школахъ, вызванъ былъ на службу въ Петербургъ, былъ тамъ протоіереемъ Исаакіевскаго собора, предсѣдателемъ учебнаго при Св. Синодѣ комитета, умеръ 29-го октября 1906 года.

[1]) Проф. И. Д. Андреевъ совершенно справедливо говоритъ, что Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ «исключительное явленіе исторіи русской Церкви». Прекраснѣйшую характеристику этой высокой и замѣчательнѣйшей личности далъ въ своей «Исторіи Казанской Духовной Академіи за первый періодъ ея существованія» (I, 124—136; II, 205—221) проф. П. В. Знаменскій, ученикъ Бухарева по Казанской Академіи. Недавно въ «Богословск. Вѣстникѣ» началось печатаніемъ его «Изслѣдованіе Апокалипсиса», что какъ нельзя болѣе ко времени, такъ какъ Бухаревъ сталъ привлекать къ себѣ вниманіе современныхъ намъ богоискателей.—*Пр. Н. Д.*

Профессоръ Александръ Ѳеодоровичъ Лавровъ, овдовѣвши и лишившись единственной дочери, принялъ монашество и митроп. Иннокентіемъ принятъ вторымъ викаріемъ, потомъ переведенъ архіепископомъ Виленскимъ, гдѣ скоропостижно, отъ болѣзни сердца, 10-го ноября 1890 года скончался.

Выдающимся профессоромъ Академіи въ наше время былъ Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, первый магистръ нашей Академіи выпуска 1848 года. Въ началѣ своего профессорства онъ преподавалъ патрологію не по принятому шаблону, не съ однимъ только изложеніемъ житія церковныхъ учителей и отцовъ, но, главнымъ образомъ, съ критическимъ разсмотрѣніемъ ихъ писаній, по способу преподаванія въ высшихъ свѣтскихъ заведеніяхъ литературы русской и иностранной, при чемъ онъ нѣсколько свободно и рѣзко относился къ писаніямъ св. отцовъ, даже канонизованныхъ Церковью. Это, впрочемъ, хотя и не нравилось нѣкоторымъ изъ старшихъ членовъ академической корпораціи, но все-таки сходило ему съ рукъ и не было доводимо до митрополита. Потомъ, когда ему поручена была вновь открытая каѳедра по расколу, его либерализмъ во взглядахъ на этотъ предметъ дошелъ до свѣдѣнія Филарета. Никита Петровичъ подпалъ опалѣ и былъ удаленъ изъ Академіи. Это было въ 1854 году, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I, во время восточной войны. Когда государь узналъ, что старообрядцы, живущіе на границѣ, при рѣкѣ Дунаѣ, способствовали туркамъ узнавать численность и расположеніе нашихъ войскъ, перешедшихъ эту рѣку, и вели враждебную намъ корреспонденцію съ старообрядцами, жившими внутри Россіи, тогда онъ приказалъ употребить самыя строго-репрессивныя мѣры противъ раскола. Противъ этихъ-то мѣръ проф. Гиляровъ составилъ записку, въ которой доказывалъ, что благоразумнѣе было бы дать старообрядцамъ свободу ихъ вѣроисповѣданія и обрядовъ. Объ этой запискѣ заговорили и открыли автора, и его немедленно удалили изъ Академіи. По выходѣ изъ Академіи Никита Петровичъ получилъ мѣсто въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ, помирившись съ митрополитомъ, былъ нѣкоторое время начальникомъ Московской Синодальной типографіи и затѣмъ все остальное время своей жизни издавалъ газету «Современныя Извѣстія», шедшую долгое время весьма ходко; но скончался въ бѣдности въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ хлопотать о томъ, чтобы его назначили преемникомъ Каткову по изданію «Московскихъ Вѣдомостей», въ 1887 году.

Преемникомъ Никиты Петровича въ Академію по каѳедрѣ изученія раскола былъ переведенъ изъ Виѳаніи преподаватель Николай Ивановичъ Субботинъ, магистръ нашей Академіи, выпуска 1850 года. Мы его одинъ годъ слушали, читалъ весьма интересно, съ иллюстраціями изъ старообрядческихъ

сочиненій. Какъ ученый поборникъ православія противъ раскола, г. Субботинъ оставилъ послѣ себя обильную литературу по сему предмету, скончался 30 мая 1905 года.

Въ продолженіе академическаго курса мнѣ пришлось писать слѣдующія сочиненія на старшемъ курсѣ: 1) по догматическому богословію: «О необходимости Божественнаго откровенія»; 2) по нравственности: «О гражданскомъ законѣ Моисеевомъ»; 3) по церковной исторіи: «О состояніи Церкви Ефесской въ I вѣкѣ»; 4) по патрологіи: «О св. Меѳодіи, еп. Патарскомъ, отцѣ III вѣка». Это послѣднее сочиненіе было курсовое, и за него я удостоенъ степени магистра; часть его отпечатана въ академическомъ журналѣ 1857 года.

Во внутренней жизни Академіи въ теченіе 4-хлѣтняго пребыванія нашего въ ней особенныхъ выдающихся событій не было. Товарищество въ общежитіи было дружное; отношенія между студентами обоихъ курсовъ были самыя мирныя, откровенныя, пьянства и кутежи открыто не допускались и начальствомъ строго преслѣдовались, и одного изъ младшаго курса тверяка за пьянство прямо уволили. Отношенія студентовъ къ начальству были строго-почтительныя и со стороны начальства мелкихъ придирокъ къ намъ не замѣчалось, а въ случаяхъ, дошедшихъ до инспектора арх. Сергія, проступковъ все ограничивалось, обыкновенно, его замѣчаніями и отеческими вразумленіями наединѣ, въ его келліи, гдѣ для сего, обыкновенно, провинившагося онъ сажалъ на креслѣ и долго бесѣдовалъ, почему это кресло и называлось «кресломъ терпѣнія». Изъ однокашниковъ и товарищей нашихъ, составившихъ впослѣдствіи блестящую карьеру, были слѣдующіе студенты: изъ предшествовавшаго намъ курса, выпуска 1854 года: 1) Александръ, въ монашествѣ Алексій, Лавровъ, былъ архіепископомъ Виленскимъ; 2) Михаилъ Лузинъ—епископъ Курскій; 3) Филаретъ Сергіевскій—ректоръ Виѳанской семинаріи и прот. Московскаго Архангельскаго собора; 4) Петръ Алексѣевичъ Смирновъ—предсѣдатель учебнаго комитета при Св. Синодѣ; 5) Антонинъ Державинъ—епископъ Псковскій, и бывшіе протоіереями Московскими Семенъ Владимірскій, Дмитрій Делицынъ,—и одинъ изъ грековъ, іеромонахъ Анѳимъ,—былъ болгарскимъ митрополитомъ [1]); изъ товарищей нашихъ, выпуска 1856 года: 1) Хрисанѳъ Ретивцевъ—еп. Нижегородскій [2]); 2) Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ—заслуженный профессоръ Харьковскаго университета;

---

[1]) Анѳимъ I (Чалыковъ), первый болгарскій экзархъ, магистръ Моск. Дух. Академіи; скончался въ 1888 году. См. о немъ *Муромцевъ А. И.*, «Первый болгарскій экзархъ, блаженный Анѳимъ» («Русск. Вѣстн.» 1881).

[2]) Извѣстный ученый богословъ, докторъ богословія, написавшій «Религіи древняго міра» (3 тома); скончался въ 1883 году. Обстоятельныя свѣдѣнія о немъ см. у проф. П. В. Знаменскаго въ его «Истор. Казанск. Дух. Академіи», вып. II, 255—265.

3) Сергіевскій, Н. Александровичъ—попечитель Виленскаго учебнаго округа; 4) Ненарокомовъ—директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода; 5) Цвѣтковъ, Алексѣй Ивановичъ, всю жизнь былъ инспекторомъ Московской духовной семинаріи, оставившій въ ней самую лучшую память; наконецъ, бывшіе протоіереями Москвы: Свѣтовидовъ, Касицынъ, Миролюбовъ. Изъ особенно дружественныхъ со мною товарищей моихъ—Анемподистъ Іоанновичъ Малевинскій, бывшій инспекторъ Вологодской семинаріи и потомъ получившій должность директора народныхъ училищъ въ Екатеринославской губерніи. Изъ послѣдующаго намъ академическаго курса, выпуска 1858 года, сдѣлались извѣстными: 1) Евгеній Евсигнѣевичъ Голубинскій, заслуженный профессоръ русской церковной исторіи, членъ Академіи Наукъ; 2) Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ, заслуженный профессоръ нашей Академіи; 3) Александръ Алексѣевичъ Лебедевъ, протоіерей С.-Петербургскаго Казанскаго собора и членъ учебнаго комитета при Синодѣ. Мнѣ Господь привелъ всю мою свыше 50-тилѣтнюю службу въ священномъ санѣ, въ скромной долѣ пастырства, провести въ предѣлахъ родной мнѣ Московской епархіи, удостоенному незаслуженно всѣхъ земныхъ наградъ до звѣзды и митры. Остается теперь на закатѣ дней моихъ только просить у Господа небесной награды при кончинѣ живота моего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судѣ Его, съ благодареніемъ за долголѣтіе, безмятежное и весьма счастливое въ житейскомъ отношеніи.

Четырехлѣтнее пребываніе наше въ стѣнахъ Академіи, со стороны внутренней нашей жизни, протекло тихо и мирно, безъ всякихъ треволненій, но съ внѣшней стороны было волнуемо печальнымъ событіемъ совпавшей съ нашимъ курсомъ восточной войны, продолжавшейся съ 1853 года до 1856 года. Какъ никогда прежде не читавшіе газетъ, мы ничего не знали и не понимали изъ области политическихъ отношеній нашего отечества къ иностраннымъ державамъ. Одно только намъ съ юныхъ лѣтъ было втолковано и по урокамъ церковной исторіи достовѣрно было извѣстно, что турки — злѣйшіе враги христіанства, разорили св. Сіонъ, градъ Іерусалимъ, завладѣли святыми мѣстами Палестины, кощунствуютъ тамъ, грабятъ и мучатъ христіанъ, что нужно отнять у нихъ эти святыя мѣста и изгнать турокъ въ Азію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы были убѣждены, что отечество наше — могущественнѣйшая держава, необоримая силою коллективною даже всѣхъ европейскихъ державъ, какъ это доказывало нашествіе Наполеона, а съ турками ничего не стоило сладить, только бы царь нашъ захотѣлъ. И вотъ въ соотвѣтствіе такимъ убѣжденіямъ нашимъ въ 1853 году

императоръ Николай I объявилъ Турціи войну. Весь русскій народъ восторженно принялъ это объявленіе. Въ томъ же году многочисленное воинство наше перешло Дунай и доблестно вступило въ предѣлы Турецкой имперіи; но неожиданно для насъ открылось, что пять европейскихъ державъ составили противъ насъ союзъ въ защиту турокъ, коллективно объявили намъ войну и остановили побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ за Дунаемъ, перенося центръ ея на южный берегъ Крыма и угрожая намъ на другихъ границахъ отечества нашего, гдѣ и пришлось держать войска. Войска Англіи, Франціи, Турціи, Италіи и Сардиніи, въ количествѣ до 70 тысячъ, въ сентябрѣ 1853 года неожиданно высадились въ Крымъ, гдѣ у насъ оказалось подъ предводительствомъ князя Меншикова только 30 тысячъ, разбили насъ подъ Альмой, осадили Севастополь, съ суши остававшійся беззащитнымъ, съ цѣлью уничтожить нашъ флотъ, и такимъ образомъ преградить намъ доступъ по Черному морю къ Константинополю, чего и достигли послѣ 16-тимѣсячной кровопролитнѣйшей осады. Съ горячимъ юношескимъ увлеченіемъ мы слѣдили за перипетіями сей осады и долго еще надѣялись на благопріятный исходъ войны, особенно когда намъ сдѣлалось извѣстно, что государь приказалъ созвать народное ополченіе для отраженія враговъ. Но ничто не помогло: Россія оказалась неподготовленною къ войнѣ съ европейскими державами ни по вооруженію войскъ, ни по устройству путей сообщенія, ни по состоянію своихъ финансовъ. Когда въ февралѣ 1855 года императоръ Николай скончался, всѣмъ сдѣлалось ясно, что наше дѣло потеряно, и его наслѣднику пришлось заключить миръ, навсегда, кажется, положившій конецъ нашимъ мечтаніямъ завладѣть Константинополемъ. Во все время войны у насъ въ Академіи происходили молитвенныя упражненія для испрошенія помощи отъ Господа въ успѣхѣ войны; насъ каждое воскресенье и праздникъ сбирали въ Трапезную церковь для слушанія умилостивительнаго молебна, на которомъ сначала припѣвали:, «Господи покори враговъ подъ ноги наша», а потомъ: «Многомилостиве Господи, пощади насъ и избави насъ отъ враговъ нашихъ». Всѣ профессора въ то же время въ Троицкомъ соборѣ на молебнахъ должны были произносить проповѣди для возбужденія патріотическихъ чувствъ народа, собиравшагося со всѣхъ концовъ Россіи къ мощамъ преп. Сергія.

Весьма важныя послѣдствія отъ неудачнаго окончанія этой войны произошли для отечества нашего не столько въ политическомъ отношеніи, сколько въ культурномъ. Прежде всего мы узнали, на какой высотѣ, сравнительно съ нашей, стоитъ Европа въ своемъ матеріальномъ развитіи. Не было у насъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Николаевской; не было по-

рядочныхъ фабрикъ и заводовъ; не было банковыхъ и другихъ частныхъ учрежденій для помѣщенія народныхъ капиталовъ и для возрастанія оныхъ на общественное употребленіе; производство всего необходимаго для жизни народа было самое примитивное, начиная съ обработки земли; все порядочное шло къ намъ изъ-за границы по дорогой цѣнѣ, передѣлываемое тамъ изъ нашего сырого матеріала, покупаемаго у насъ по дешевой цѣнѣ.

Для изученія заграничныхъ порядковъ по хозяйственной, технической и финансовой частямъ послѣ войны наѣхало отъ насъ въ Европу множество русскихъ изъ дворянъ и купечества; къ сожалѣнію, большинство было праздношатающихся въ ней и проживавшихъ, особенно въ Парижѣ, свои отцовскіе капиталы. Видя у себя толпу русскихъ, императоръ Наполеонъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей съ самохвальствомъ и обиднымъ для насъ злорадствомъ выразился, что русскіе явились сюда цѣловать руку, бившую ихъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ нашей несчастной войны было также освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Говорили, что этотъ вопросъ былъ поставленъ въ число пунктовъ Парижскаго трактата, на томъ основаніи, что, прежде освобожденія восточныхъ христіанъ отъ турецкаго рабства, Россія должна дать свободу своимъ рабамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ. Наконецъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ нашей неудачной войны, касавшимся, главнымъ образомъ, бѣднаго служилаго сословія, было сильное поднятіе цѣнъ на всѣ жизненные продукты. Конечно, это зависѣло отъ большого отвлеченія рабочихъ рукъ при начавшихся работахъ по устройству желѣзныхъ дорогъ, отъ уменьшенія народонаселенія вообще и отъ разстройства государственныхъ финансовъ отъ войны, за которую правительство обязано было платить большую контрибуцію, войти въ долгъ, а для уплаты усилить сборы и пошлины съ народонаселенія за всѣ продукты его труда.

Такъ мы, окончившіе въ 1856 году курсъ въ Академіи, и не только мы, но и другіе, одновременно съ нами выходившіе изъ всѣхъ высшихъ свѣтскихъ заведеній, выходили на дальнее свое поприще общественной жизни въ знаменательный періодъ ея перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Какой широкій кругозоръ открывался тогда молодымъ энергичнымъ дѣятелямъ въ выборѣ себѣ того или другого жизненнаго пути! Не всѣмъ, конечно, пришлось въ этомъ отношеніи заручиться успѣхомъ: однихъ жизнь встрѣчала какъ мать родная, другихъ—какъ мачеха. Одни по окончаніи курса наукъ могли сказать: корень ученія горекъ, плоды его сладки; къ другимъ эта присказка могла быть отнесена только въ обратномъ смыслѣ, потому что въ жизни обыкновенно происходитъ иная оцѣнка, чѣмъ въ школѣ. Многіе изъ моихъ товарищей

сразу получили благопріятное для нихъ жизненное положеніе. Увы, меня жизнь по выходѣ изъ Академіи встрѣтила не очень дружелюбно...

4-го іюля 1856 года утромъ намъ объявленъ былъ результатъ обученія нашего въ Академіи по составленному и утвержденному митрополитомъ списку, въ которомъ мнѣ въ числѣ 18 моихъ товарищей по 1-му разряду, съ званіемъ магистра, дано 8-е мѣсто. Въ тотъ же день съ Амф. Степ. Лебедевымъ, Поцѣемъ, Шелеметко, изъ Холмской семинаріи, я на общенанятой тройкѣ отбылъ изъ стѣнъ Академіи въ Москву, не успѣвъ побывать ни у ректора ни у инспектора; былъ только у одного профессора А. В. Горскаго, который, однако, замѣтилъ намъ, зачѣмъ мы уѣзжаемъ отъ праздника преп. Сергія. Это замѣчаніе я впослѣдствіи всегда сохранялъ въ памяти и признавалъ себя виноватымъ предъ угодникомъ Божіимъ за свою неблагоразумную поспѣшность.